

Александр Дюма

АСКАНИО
♦
УЧИТЕЛЬ
ФЕХТОВАНИЯ
♦
ЧЕРНЫЙ
ТЮЛЬПАН

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Д 96

Alexandre Dumas
ASCANIO
LE MAÎTRE D'ARMES
LA TULIPE NOIRE

Перевод с французского
Галины Еременко, Леонида Ефимова, Анны Худаковой,
анонимный перевод под редакцией Ольги Моисеенко

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Иллюстрации
Густавино («Асканио»),
Фредерика Регаме, Валантена Фулкье и др. («Учитель фехтования»),
Рудольфа Бюннера («Черный тюльпан»)

ISBN 978-5-389-34056-5

© Л. Н. Ефимов, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

АСКАНИО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Улица и мастерская

Дело было 10 июля 1540 года, летосчисления нашего, в четыре часа пополудни, в Париже, близ университета, у входа в церковь Августинцев, возле чаши со святой водой.

Красивый, статный юноша со смуглым лицом, длинными кудрями, большими черными глазами, одетый изысканно, но просто и вооруженный лишь небольшим кинжалом, рукоятка которого пленяла чудесной работой, простоял там не шелохнувшись всю вечерню. Он был, надо полагать, охвачен благочестивым смирением: склонив голову, он с набожным видом шептал что-то — без сомнения, молитвы, ибо произносил слова до того тихо, что лишь Господь Бог да он сам понимали их смысл.

Но когда служба подходила к концу, юноша поднял голову, и его соседи расслышали слова, произнесенные вполголоса:

— До чего же мерзко тянут псалмы французишки-монахи! Неужели не могут петь получше — ведь она привыкла внимать пению ангелов! Ах, но беда не в этом... вот вечерня и кончилась! Господи, Господи, сделай же так, чтобы сегодня мне повезло больше, чем в прошлое воскресенье! И чтобы она подняла на меня свои очи!

Право, последние слова молитвы были сказаны неспроста: если бы та, к кому они относились, подняла глаза на того, кто говорил, она увидела бы самое очаровательное юношеское лицо, какое только являлось ее воображению, когда она зачитывалась дивными мифологическими сказаниями, в те времена вошедшими в моду с легкой руки знаменитого поэта Клемана Маро, воспевшего в стихах любовь Психеи и смерть Нарцисса. И в самом деле, незнакомец, одетый в простую темную одежду и только что выведенный нами на сцену, отличался, как мы уже говорили,

редкостной красотой и удивительным изяществом. Его ласковая улыбка дышала неизъяснимым обаянием, большие глаза, еще не научившиеся смотреть дерзко, светились такой пламенной страстью, какую, пожалуй, не часто увидишь во взоре восемнадцатилетнего юноши.

Меж тем в церкви с шумом задвигали стульями, что возвестило конец богослужения, и влюбленный юноша (по его словам читатель, должно быть, уже догадался, что он имел право на такое наименование), — повторяю, влюбленный юноша отошел в сторону и стал смотреть на толпу, проходившую мимо в молчании, — на важных членов церковноприходского совета, на почтенных, остепенившихся матрон и миловидных девиц. Но не ради них явился сюда красавец-юноша, ибо взгляд его вспыхнул, ибо кинулся он вперед лишь в тот миг, когда подошла девушка в белом, а следом за ней — дуэнья, причем дуэнья из хорошего дома и, судя по всему, весьма учтивая, еще довольно молодая, веселая и, честное слово, просто приятной наружности. Когда обе незнакомки приблизились к чаше, юноша зачерпнул воду и с вежливым поклоном предложил ее дамам.

Дуэнья присела в реверансе с самой любезной, с самой признательной улыбкой, коснулась пальцев молодого человека и, к великому его разочарованию, протянула девушке святую воду как посредница, а девушка, невзирая на его горячую молитву, произнесенную несколько минут назад, так и не вскинула глаз, из чего можно было понять, что она знала о присутствии красавца-юноши.

Когда же она удалилась, красавец-юноша, топнув ногой, прошептал:

— И на этот раз она меня не заметила!

Из этого явствовало, что, как мы уже говорили, юноше вряд ли было больше восемнадцати лет.

Но вот его досада улетучилась. Он сбегал с церковных ступеней и увидел, что рассеянная красавица, опустив покрывало и взяв под руку провожатую, пошла направо. Он тоже поспешил повернуть вправо, заметив притом, что это как раз ему по пути. Пройдя по набережной до моста Святого Михаила, девушка перешла через мост, что тоже было по пути нашему незнакомцу. Затем она дошла до конца Бочарной улицы и направилась к Мель-

ничному мосту. Все это оказалось по пути юноше, и он неотступно следовал за нею, точно тень.

Влюбленный — вот она, тень хорошенькой девушки!

Но увы! У самой тюрьмы Шатле прекрасная звезда, спутником которой стал наш незнакомец, вдруг исчезла, ибо, как только дуэнья постучалась, узкая дверца королевской крепости распахнулась будто сама собой и тут же захлопнулась.

Молодой человек опешил, но, когда хорошенькая девушка, внушавшая ему робость, скрылась, проявил решительность и тут же нашел выход.

Перед воротами королевской крепости Шатле важно расхаживал стражник с пикой на плече. Наш юный незнакомец взял пример с почтенного часового и, отойдя в сторону, чтобы не привлекать к себе внимания, но не теряя из виду ворота, с героической отвагой приступил к той караульной службе, которую часто несут влюбленные.

Если читателю доводилось попадать в такое положение, он, должно быть, заметил, что одно из лучших средств скоротать время на часах — это завести разговор с самим собой.

Очевидно, молодой человек привык нести караульную службу, ибо, не успев приступить к делу, он произнес такой монолог:

— Разумеется, она живет не здесь. Нынче утром после службы и два последних воскресенья, когда я осмелился следовать за нею лишь глазами — и сваял же я дурака! — она свернула по набережной не направо, а налево, к Нельским воротам и Пре-о-Клер, черт возьми! Что ей понадобилось в королевской крепости? Ну что ж, посмотрим. Она пришла проведать узника... быть может, брата. Бедняжка! Как она, должно быть, горюет. Ведь ее доброта, конечно, равна ее красоте. Тьфу ты пропасть! До чего же хочется подойти к ней, спросить без обиняков, кто у нее там, и предложить свои услуги! Если узник ее брат, я откроюсь во всем учителю и попрошу у него совета. Ведь учитель бежал из замка Святого Ангела и, стало быть, знает, каким способом выбираются из тюрьмы. Итак, я спасаю ее брата. После такой услуги ее брат становится моим закадычным другом. Он горит желанием услужить мне — человеку, который оказал ему такую услугу. Я признаюсь, что люблю его сестру. Он нас знакомит, я бросаюсь перед ней на колени, и уж тут-то она, разумеется, поднимет на меня свои глазки!

Понятно, куда может унести воображение влюбленного, когда он размышляет. Поэтому молодой человек очень удивился, услышав, что пробило четыре часа, и увидев, что сменился часовой.

Вот новый часовой стал нести караульную службу, а юноша все продолжал нести свою. Способ скоротать время был так удачен, что он решил снова им воспользоваться и принялся за монолог, не менее многословный, чем первый:

— Как она прекрасна! Как грациозна ее поступь, сколько целомудренного изящества в ее движениях, какое точеное лицо! Лишь великий Леонардо да Винчи и божественный Рафаэль — лишь одни они во всем мире, да и то, когда талант их был в расцвете, могли бы воспроизвести образ этого чистого и непорочного создания! О Боже, отчего я не живописец, а гравер, ваятель, эмалировщик, золотых дел мастер! Впрочем, будь я живописцем, мне не надобно было бы все время видеть красавицу, чтобы со-

здать ее портрет. Мне бы беспрерывно мерещились ее громадные голубые глаза, дивные белокурые волосы, белоснежное личико, тоненький стан. Был бы я живописцем, я воплощал бы красавицу во всех своих полотнах, как Рафаэль Санти — Форнарину и Андреа дель Сарто — Лукрецию. Да ее и сравнивать нельзя с Форнариной! Ну конечно, ни та ни другая недостойны развязывать шнурки на ее башмачках! Во-первых, Форнарина...

Не успел юноша закончить сравнение, которое, что вполне понятно, льстило его избраннице, как пробили часы.

Во второй раз сменился дозорный.

— Шесть часов... Просто удивительно, до чего быстро бежит время, — пробормотал юноша. — А если оно бежит так быстро, когда ждешь ее, то как же оно, должно быть, летит, если ты рядом с нею! О, если ты рядом с нею, времени не существует — ведь попадаешь в рай! Был бы я рядом с нею, любовался бы без конца ее красотой, и так бы текли часы, дни, месяцы — вся жизнь! О Господи, какая была бы счастливая жизнь!

И молодого человека охватил восторг, ибо перед его глазами — глазами художника, — словно живая, промелькнула его возлюбленная.

В третий раз сменился часовой.

Восемь часов пробило во всех приходских церквях, стало смеркаться. Судя по всему, и триста лет назад в июле темнело к восьми часам, точь-в-точь как в наши дни; но, пожалуй, удивительно не это, а баснословное постоянство влюбленных XVI века. В те времена все было могуче и молодо, стойкие люди не останавливались на полпути ни в любви, ни в искусстве, ни в ратных делах.

Впрочем, терпение юного ваятеля, ибо теперь мы знаем, чем занимался незнакомец, было в конце концов вознаграждено. Он увидел, что ворота тюрьмы в двадцатый раз открылись, пропустив ту, которую он ждал. Та же матрона шла с ней рядом, а шагах в десяти их сопровождали два вооруженных стража. И снова все они зашагали по той же дороге, что и пять часов назад: прошли Мельничный мост, Бочарную улицу, мост Святого Михаила, набережные и, не доходя шагов трехсот до церкви Августинцев, остановились в закоулке у массивных ворот, рядом с которыми виднелась калитка. Дуэнья постучалась, и привратник тотчас отворил калитку. Двое стражников, отвесив глубокий поклон, от-

правились в обратный путь, к Шатле, а юный ваятель снова застыл перед воротами.

По всей вероятности, он так бы и простоял здесь до самого утра, ибо он уже в четвертый раз начал строить воздушный замок, но по воле случая на него наскочил какой-то подвыпивший прохожий.

— Эй, приятель! — воскликнул прохожий. — Позвольте-ка, человек вы или столб? Если столб, то стойте на месте и я вас уважаю, а если человек, посторонитесь, дайте дорогу!

— Извините, — произнес рассеянный молодой человек. — Но я чужеземец, не знаю славного города Парижа и...

— Ну, тогда дело другое. Француз гостеприимен, и мне надобно просить у вас прощения. Значит, вы чужеземец... Отлично. Раз вы сказали о себе, следует и мне о себе сказать. Я школяр и писец, а зовут меня...

— Простите, — перебил его юноша-ваятель, — но, прежде чем узнать, кто вы, мне хотелось бы узнать, где я нахожусь.

— У Нельских ворот, дружище. А вот и Нельский замок, — добавил школяр, указывая на массивные ворота, с которых не сводил глаз чужеземец.

— Вот оно что! А как выйти на улицу Святого Мартена, где я живу? — спросил влюбленный юноша просто из учтивости и надеясь отвязаться от собеседника.

— Как вы сказали? Улица Святого Мартена? Пойдемте, я вас провожу, мне как раз по пути. На мосту Святого Михаила я вас покину и укажу, как пройти дальше. Так вот, значит, я школяр, возвращаюсь с Пре-о-Клер, а зовут меня...

— А вы знаете, кому принадлежит Нельский замок? — спросил юноша.

— Еще бы! Как же мне не знать, раз это имеет отношение к университету!¹ Нельский замок, молодой человек, принадлежит его величеству королю, а ныне перешел во владение парижского прево² Робера д'Эстурвиля.

¹ В Средние века Парижский университет имел собственные самоуправление, суд, был освобожден от налогов и т. п.; в эпоху Франциска I Парижский университет утратил свою средневековую автономию, превратившись в государственное учреждение под контролем королевского прево.

² *Прево* (от лат. *praepositus* — «начальник») — во Франции XI–XVIII вв. — должностное лицо, назначаемое королем или сеньором для сбора налогов, поддержания порядка и отправления правосудия на вверенной территории.

— Как, там живет парижский прево?! — воскликнул иностранец.

— Сын мой, я и не думал говорить, будто прево там живет, — возразил школяр. — Прево живет в Шатле.

— Ах вот что — в Шатле! Как же случилось, что он живет в Шатле, а король пожаловал ему Нельский замок?

— Вот в чем тут дело. Король даровал в свое время Нельский замок нашему байи¹, человеку в высшей степени почтенному, который защищал права и вел судебные дела университетских школяров, и вел он их по-отечески. Великолепнейшая должность! На беду, наш превосходный байи был до того справедлив, до того справедлив к нам... что вот уже два года, как его власть упразднена под предлогом, что он спит на судебных заседаниях, хотя ясно, что слово «байи» происходит от «бай-бай». Итак, должность его упразднена, и охранять Парижский университет поручено парижскому прево. Охранитель отменный, ей-богу! Хорошо, что мы сами себя охраняем... Итак, вышеупомянутый прево... ты слушаешь, приятель?.. вышеупомянутый прево — а руки у него загребущие — решил, что раз к нему перешли обязанности байи, то ему полагается наследовать и его владения, и он потихоньку завладел Нельскими замками — Большим и Малым, при покровительстве госпожи д'Этамп.

— И все же, судя по вашим словам, он не живет в замке.

— И не думает, скареда! Однако я слышал, что там приютилась дочь или племянница старого Кассандра², красотка, по имени Коломба или Коломбина, точно не знаю. Он ее держит взаперти в Малом Нельском замке.

— А-а, вот оно что! — воскликнул художник, задыхаясь от волнения — ведь он в первый раз услышал имя владычицы своего сердца. — По-моему, это просто вопиющее беззаконие! Поселить девушку в таком огромном замке вдвоем с дуэньей!..

¹ *Байи* (балы; *фр.* bailli) — должностное лицо в средневековой Франции, возглавлявшее судебно-административный округ (бальяж) и осуществлявшее административную, судебную и военную власть от имени короля или крупного сеньора.

² *Кассандр* (*ит.* Cassandro) — классический персонаж-маска венецианского квартета комедии дель арте. Исторически он выступает как второстепенный, но яркий вариант знаменитой маски Панталоне — венецианского купца, старого и скупого сластолюбца.

— Не с луны ли ты свалился, о чужеземец? Или ты не знал, что беззаконие — вещь вполне естественная и что мы, бедняки писцы, вшестером ютимся в тесной лачуге, а у важного вельможи пустует такое вот огромное имение с садами, дворами, залом для игры в мяч!

— Как, там есть зал для игры в мяч?

— Великолепнейший, брат, великолепнейший!

— Но ведь Нельский замок — владение короля Франциска Первого?

— Разумеется, но что прикажешь делать со своим владением королю Франциску Первому?

— Передать другим, раз прево там не живет.

— Ну что ж, попроси, пусть отдаст тебе!

— А почему бы и не отдать?... А вы любите игру в мяч?

— Безумно.

— В таком случае приглашаю вас в следующее воскресенье составить мне партию.

— Куда?

— В Нельский замок.

— По рукам, монсеньер управляющий королевскими замками!.. Послушай-ка, надобно все же тебе знать, как меня зовут...

Но чужеземец узнал все, что ему хотелось узнать, а остальное, по всей вероятности, его мало заботило. Вот почему он и пропустил мимо ушей рассказ приятеля, поведавшего со всеми подробностями о том, что зовут его Жак Обри, что он школяр в университете и сейчас возвращается с Пре-о-Клер, что нынче он выпил вопреки всем своим правилам.

Когда молодые люди очутились на улице Арфы, Жак Обри указал ваятелю дорогу, которую тот знал лучше его, затем они назначили друг другу свидание на следующее воскресенье в полдень у Нельских ворот и расстались, причем один пошел своей дорогой напевая, другой — мечтая.

А тому, кто мечтал, было о чем помечтать, ибо в тот день он узнал больше, чем за целых три недели.

Он узнал, что любимая девушка живет в Малом Нельском замке, что она, кажется, дочь парижского прево, господина Робера д'Эстурвиля, и что ее имя Коломба. Как мы видим, юноша не потерял времени даром.

Погрузившись в мечты, он свернул на улицу Святого Мартена и остановился перед великолепным зданием, над подъездом

которого красовался лепной герб кардинала Феррарского. Он постучал три раза.

— Кто там? — тут же отозвался свежий, звонкий голосок.

— Это я, мадемуазель Катерина, — ответил неизвестный.

— Кто это — я?

— Асканио.

— А, наконец-то!

Ворота отворились, и Асканио вошел.

Прехорошенькая девушка лет восемнадцати—двадцати, пожалуй слишком смуглая, пожалуй слишком низенькая и слишком живая, но зато чудесно сложенная, радостно встретила юношу.

— Вот он, беглец! Вот он! — воскликнула она и побежала, вернее, помчалась впереди Асканио, чтобы возвестить о его приходе, нечаянно потушив светильник, который держала в руках.

Она даже не закрыла ворота, но их запер Асканио, не такой ветреный, как она.

Молодой человек остался в темноте по милости стремительно убежавшей Катерины, но он уверенным шагом пересек довольно обширный мощный двор, между плитами которого пробивалась трава, а вокруг темными громадами возвышались какие-то неуютные строения. Впрочем, таким мрачным и сырым и надлежит быть кардинальскому обиталищу. Правда, сам хозяин и не жил там с давних пор. Асканио взбежал на крыльцо по замшелым, позеленевшим ступеням и вошел в просторный зал, единственный освещенный зал во всем доме — нечто вроде монастырской трапезной, обычно унылой, темной и пустой, но два месяца назад наполнившейся светом, весельем, шумом.

И в самом деле, вот уже два месяца в этой огромной и холодной трапезной жил, работал, смеялся целый деятельный и веселый мирок; вот уже два месяца огромный зал словно поубавился, потому что в нем появились десять верстаков, две наковальни, а в глубине — самодельный кузнечный горн. На побуревших стенах висели рисунки, модели, полки с клещами, молотками и напильниками, шпаги с чудесными, узорчатыми рукоятками и лезвиями филигранной работы, воинские доспехи — шлемы, латы, щиты с золотыми насечками, изображения богов и богинь, словно созданных для того, чтобы вы забыли, любуясь орнаментом, о назначении оружия. Свет вливался в окна, растворенные настееж, и пение ловких и жизнерадостных подмастерьев оглашало воздух.

Трапезная кардинала превратилась в мастерскую золотых дел мастера.

Однако в тот вечер, 10 июля 1540 года, воскресное безделье на время погрузило оживленный зал в тишину, царившую там целое столетие. Светильник, будто найденный при раскопках Помпеи — так чисты и изящны были его линии, — освещал неубранный стол и остатки роскошного ужина, свидетельствовавшие о том, что нынешние обитатели кардинальского дворца не прочь были иногда отдохнуть, но не были охотниками поститься.

Когда Асканио вошел в мастерскую, там было четыре человека: старая служанка, убиравшая со стола, Катерина, зажигавшая светильник, молодой художник, сидевший в углу и ждавший, когда Катерина поставит светильник на место, чтобы приняться за рисование, и хозяин мастерской, который стоял, скрестив руки и опираясь на кузнечный горн.

Его-то прежде всего и заметил юноша, войдя в зал.

Удивительной энергией и силой дышало лицо этого необыкновенного человека, привлекая внимание даже тех, кому не хотелось его замечать. То был сухощавый, рослый, сильный человек лет сорока, но лишь резец Микеланджело или кисть Риберы могли бы изобразить его тонкий, решительный профиль, написать смуглое, выразительное лицо или воссоздать весь смелый, величественный облик. Его высокий лоб оттеняли густые брови, и казалось, они вот-вот нахмурятся; ясные, честные, пронизательные глаза порой метали молнии в царственном гневе; добрая и снисходительная, но вместе с тем чуть насмешливая улыбка и очаровывала, и внушала робость. Он по привычке поглаживал черные усы и бороду. Его довольно крупная рука с длинными пальцами — ловкая, умелая, крепкая и при всем том тонкая, породистая, изящная, его манера смотреть, говорить, поворачивать голову, живость, выразительные, но не резкие движения, небрежная поза, в которой он стоял, когда вошел Асканио, — словом, весь его облик дышал силой: отдыхающий лев оставался львом.

Поразителен был контраст между Катериной и художником — учеником Бенвенуто, рисовавшим в уголке. Он был мрачен, нелюдим, морщины уже избороздили его узкий лоб, глаза были полузакрыты, губы сжаты, она же была весела, как птич-

ка, свежа, как распутившийся цветок. Ее ясные глаза смотрели лукаво, а губы то и дело улыбались, обнажая белоснежные зубки. Юноша забился в угол; он был медлителен, вял и, казалось, боялся сделать лишнее движение. Катерина же бегала, вертелась, прыгала, не могла усидеть на месте — жизнь была в ней ключом. Этому молодому, беззаботному созданию надо было двигаться, оно не ведало душевных тревог.

Девушка-резвушка напоминала жаворонка — такой она была живой, так звонок и чист был ее голос, так весело, легко и беспечно принимала она жизнь, в которую недавно вступила. Отлично подходило к ней прозвище Скоццоне, как окрестил ее хозяин мастерской, что на итальянском языке означало и означает еще в наши дни нечто вроде «сорвиголова». Миловидная, прелестная, по-детски шаловливая, Скоццоне была душой мастерской: она пела — и все затихали; смеялась — и все смеялись вместе с ней; приказывала — и все подчинялись. Ее капризы и причуды никого не сердили.

История жизни девушки — старая история; быть может, мы еще к ней вернемся. Катерина была сиротой, вышла из народа, на ее долю выпало много злоключений... Но девушке улыбнулось счастье, и она с такой искренностью, с такой наивностью радовалась, что ее веселье передавалось всем окружающим и все радовались ее радости.

Итак, мы познакомили вас с новыми действующими лицами, а теперь будем продолжать наш рассказ.

— А-а, вот и ты! Где же пропадал? — спросил учитель у Асканио.

— Как — где? Ходил по вашему поручению, учитель.

- Все утро?
- Все утро.
- Признайся, ты слонялся в поисках приключений!
- Каких приключений, учитель? — пробормотал Асканио.
- Да откуда мне знать!
- Ах ты господи, до чего же вы бледны, Асканио! — воскликнула Скоццоне. — Вы, вероятно, не ужинали, господин бродяга?
- А ведь правда не ужинал! — отвечал юноша. — Совсем позабыл.

— О, в таком случае я согласна с учителем!.. Подумайте только, Асканио не ужинал! Значит, он влюблен... Руперта! Руперта! Ужинать мессеру Асканио, да поживей!

Служанка принесла яства, оставшиеся от ужина, и молодой человек накинулся на угощение. Да и как же ему было не проголодаться — ведь он столько времени простоял на открытом воздухе!

Скоццоне и учитель, улыбаясь, смотрели на юношу: она — с сестринским участием, он — с отцовской нежностью. Художник, сидевший в углу, поднял голову в тот миг, когда вошел Асканио; но он снова склонился над работой, как только Скоццоне поставила на место светильник, который схватила, когда побежала открывать дверь.

— Я же сказал вам, учитель, что весь день бегал по вашим делам, — промолвил Асканио. Он заметил, как лукаво и внимательно поглядывают на него ваятель и Скоццоне, и, очевидно, хотел перевести разговор на другую тему.

— По каким же делам ты бегал целый день?

— Да ведь вы сами сказали вчера, что освещение здесь не годится и что вам надобна другая мастерская.

— Разумеется.

— Я и нашел мастерскую.

— Ты слышишь, Паголо? — обратился учитель к художнику.

— Что вы сказали, учитель? — произнес тот, снова поднимая голову.

— А ну-ка, прекрати рисовать да иди сюда! Послушай, что рассказывает Асканио. Он нашел мастерскую!

— Извините, учитель, но мне и отсюда слышно каждое слово моего друга Асканио. Мне хотелось бы закончить набросок. Право, тут нет греха — раз ты благоговейно выполнил долг хрис-

тианина в воскресенье, займись на досуге кое-какими полезными делами: работать — значит молиться.

— Друг мой, Паголо, — заметил, покачав головой, учитель скорее грустным, нежели сердитым тоном, — поверь мне: лучше бы ты работал поусидчивее и постарательнее на неделе и развлекался, как наши добрые товарищи, в воскресенье. А ты лодырничашь в будни и лицемерно стараешься отличиться, выказывая столько рвения в праздничные дни. Но ты сам себе господин, поступай, как тебе заблагорассудится... Ну, рассказывай, Асканио, сынок, — продолжал он, и в его голосе прозвучали бесконечная нежность и задушевность, — что ты нашел?

— Нашел чудесную мастерскую.

— Где же?

— Знаете ли вы Нельский замок?

— Превосходно знаю. То есть я проходил мимо, а заходить не доводилось.

— Но снаружи он вам нравится?

— Еще бы, черт возьми! Но...

— Что — но?

— Но разве он не занят?

— Занят парижским прево, господином Робером д'Эстурвилем. Прево завладел замком, не имея на то никакого права. Кроме того, для успокоения совести мы можем ему оставить Малый Нельский — там, кажется, живет кто-то из его родственников — и удовольствоваться Большим Нельским замком со всеми его дворами, лужайками, залами для игры в шары и мяч.

— Там есть зал для игры в мяч?

— Лучше, чем зал Санта-Кроче во Флоренции.

— Клянусь Бахусом, это моя любимая игра! Ты же знаешь, Асканио.

— Знаю. И, кроме того, учитель, замок превосходно расположен: сколько там воздуха, и какого воздуха — деревенского! Не то что здесь, в этом отвратительном закоулке — ведь мы тут плеснеем, солнца не видим. А там с одной стороны Пре-о-Клер, с другой — Сена и король, король в двух шагах в своем Лувре.

— Кому же принадлежит этот волшебный замок?

— Кому? Черт возьми, королю!

— Королю?.. Повтори-ка, что ты сказал: Нельский замок принадлежит королю?

- Именно ему. Остается одно — узнать, согласится ли король пожаловать вам это великолепное угодые.
- Кто — король? Как его зовут, Асканио?
- Франциск Первый, конечно.
- А это значит, что через неделю Нельский замок будет моим.
- Но парижский прево, пожалуй, разгневется.
- А мне какое дело!
- А если он не захочет уступить по доброй воле?
- Не захочет? Как меня зовут, Асканио?
- Бенвенуто Челлини, учитель.
- А это значит, что ежели достойный прево не захочет по своей воле отступить от замка, то его заставят силой... Ну а теперь пора спать. Поговорим обо всем завтра. Утро вечера мудренее.

И по знаку учителя каждый ушел на покой, кроме Паголо, который еще некоторое время работал, сидя в углу; но как только ученик решил, что все улеглись, он встал, осмотрелся, подошел к столу, налил полный бокал вина и, мигом осушив его, тоже отправился спать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Золотых дел мастер XVI века

Да позволят нам читатели, раз уж мы нарисовали портрет Бенвенуто Челлини и упомянули его имя, углубить чисто литературную тему нашего повествования и сделать небольшое отступление, рассказав об этом необыкновенном человеке, вот уже более двух месяцев жившем во Франции, ибо ему суждено стать, о чем легко догадаться, одним из главных персонажей книги.

Однако сначала скажем несколько слов о том, что представлял собой ювелир XVI века.

Есть во Флоренции мост, называемый Старым мостом. Он еще и поныне застроен домами; в этих домах помещались мастерские золотых и серебряных изделий.

Правда, то не были изделия в современном понимании: выделка золотых и серебряных вещей в наши дни — ремесло; прежде это было искусство.

Потому-то и не было на свете ничего чудеснее этих мастерских или, вернее, предметов, их украшавших; были там округ-

Дюма А.

Д 96 Асканио ; Учитель фехтования ; Черный тюльпан : романы / Александр Дюма ; пер. с фр. Г. Еременко, Л. Ефимова, А. Худовой. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. — 864 с. + вкл. (24 с.). — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-34056-5

Александр Дюма-отец — прославленный французский писатель и непревзойденный мастер историко-приключенческого романа, подаривший миру «Трех мушкетеров» и «Графа Монте-Кристо». Обладая невероятной фантазией и колоссальной работоспособностью, он создал множество захватывающих произведений, которые уже почти два века остаются мировыми бестселлерами.

Роман «Асканио» переносит читателя во Францию эпохи Возрождения. Гениальный флорентийский скульптор Бенvenuto Челлини и его юный ученик бросают вызов могущественным врагам во имя искусства и истинной любви...

Действие романа «Учитель фехтования» происходит в Санкт-Петербурге, где французский мастер клинка невольно оказывается в кругу будущих участников рокового восстания декабристов. В разгорающемся пожаре тайного заговора рушатся судьбы и рождается великое чувство.

События романа «Черный тюльпан» разворачиваются в охваченной «тюльпанной лихорадкой» Голландии XVII века. Молодой врач Корнелиус ван Берле близок к выведению уникального черного цветка, но происки соседа приводят его на край гибели...

В настоящем издании тексты романов публикуются в сопровождении иллюстраций из европейских изданий XIX–XX веков.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

АЛЕКСАНДР ДЮМА
АСКАНИО
•
УЧИТЕЛЬ ФЕХТОВАНИЯ
•
ЧЕРНЫЙ ТЮЛЬПАН

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Полина Малышева, Дмитрий Капитонов, Татьяна Бородулина

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 17.09.2026.
Формат издания 60 × 88 1/16. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 54,39 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,	АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
195112, Санкт-Петербург,	195112, Санкт-Петербург,
Малоохтинский пр-т, д. 68	Малоохтинский даңғылы, 68-үй
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ILN-43470-01-R